

AR

**НАТАЛЬЯ
НИКОЛЕНКОВА**

**ЗАВТРАК
НА ТРАВЕ**

СТИХИ

БАРНАУЛ 2014

**ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
Н-636**

16+

*Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений*

Николенкова Н.М.

Н-636 Завтрак на траве. Стихи. - Барнаул, 2014 г. - с. 144.

В пятую книгу Натальи Николенковой вошли стихи разных лет, в том числе и опубликованные только в Интернете.

ISBN

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5

© Н.М. Николенкова, 2014

© КАУ «Алтайский дом литераторов», 2014

РАНО ИЛИ ПОЗДНО

Эта книга – первое «Избранное» Натальи Николенковой со времен выхода ее дебютного сборника «Чтобы встретиться». Было это в 1987 году, но я знаю тех, кто хранит эту тоненькую книжку до сих пор – и перечитывает регулярно, да что там, знает наизусть. Книжек (немногим толще) с тех пор у Натальи вышло всего-то три – «Девятое марта», «Карманная психиатрия» и «Малютка жизнь». При том, что Николенкова пишет много, публикуется широко и охотно (и в Интернете, и в престижных изданиях вроде московского «Знамени»). Тем важнее для поэта выйти к читателю именно в таком – книжном, объемном – формате.

Я говорю об «Избранном», но на самом-то деле формат здесь иной. Это – вовсе не исчерпывающее собрание, и даже не the best of. «Завтрак на траве» составлялся по тому же принципу, по которому поэт составляет свой очередной сборник – что соответствует настроению сегодняшнего дня, какие тексты (неважно, когда написанные) актуальны для него сегодня. Поэтому под стихотворениями нет дат. Но тому, кто следит за творчеством Николенковой, даты и не нужны. Хорошо различима разница в образном строе и

интонации стихов начала 90-х – тех, классических – и сегодняшних, которые так популярны среди пользователей социальных сетей.

Сравним два стихотворения. Они, по сути, об одном и том же – причем о самом главном: об отношении к миру (с миром). О том, как переживать его несовершенства, угрозы. Итак, первое:

*Как в повторяющемся сне,
Назойливом и страшном,
На углях – на простыне –
На опыте сестренки старшей –
Вертись, подсакивай, кричи,
Пытаясь разодрать ресницы!
Зеркальный мир – кровотоцит,
А кажется, что только снится.*

А вот второе:

*Не сопротивляйся. Тихонько спи
В постели из цветочных лепестков.
Душа – не собачонка на цепи,
Не речка, вышедшая из берегов.
Не знать, кому она принадлежит –
Подарок милосердных высших сил.
Не говори «я влюблена», скажи
«Спасибо».*

Совершенно понятно, какое написано 20 лет назад, какое – совсем недавно. Но потому-то и включены они в эту книгу, потому-то не датированы, что вместе

образуют цельную и по-своему гармоничную картину существования поэта (да и любого из нас) в заданных условиях и обстоятельствах. Существования сложного, но все-таки счастливого, пусть это счастье так же воздушно и мимолетно, как настроение импрессионистских полотен – того же «Завтрака на траве».

В подробном, я бы сказал настойчивом, переживании всех этих мимолетностей, которые часто достаются нам от вовсе прозаических предметов и ситуаций (стакана вина или чая, новых сапог или новой любви, и много другого), притягательность и мудрость стихов Натальи Николенковой. Хочется относиться к жизни так же, как она. Но это удастся лишь немногим – в общем-то, и слава Богу.

Михаил ГУНДАРИН

НОВЫЙ ГОД

* * *

Мы посмотрели «Ромовый дневник»,
Мы съели плов, приправленный зирой.
Суббота перед Пасхой, мини-КЛИК*.
Душа покрыта толстой кожурой.
Но эта жизнь даётся без труда,
Течёт, течёт, как сладкая вода.
Какие сожаленья, господа?
Какие просветленья, господа?

* *КЛИК* – Клуб любителей интеллектуального кино (АлтГУ).

ЗИМА

Ольге Яковлевой

Мы не забыли теплые дома.
Звучал Вивальди - кажется, «Зима» –
Поджаривались хлебные кусочки,
Душа не замечала оболочки,
В глинтвейне плавали головки мака.
Мы были все с истфака и филфака,
А если медик дикий забредал,
То он гармонии не нарушал.

Действительно, всегда была зима,
Поскольку сразу бешено теплело,
И кто-то пел, и ты со всеми пела,
И золотились книжные тома,
А баловень Москвы и Амстердама,
Картавый фаворит романских муз,
Эстетствующий, ласковый, как мама,
Читал свои стихи, француз.

Немного ведьма, юная хозяйка
Заваривала якобы чаек,
И девочка соседская, козявка,
Училась у нее.

Кармен-сюита, люмпен-сигарета,
Ку-ку-богема, караван-сарай,
Вивальди рыжий написал про это,
Молчи-молчи, не смей, не повторяй.

Потом у всех детишки народились,
Женился тот, кто не сошел с ума,
И оглянулись мы, и прослезились,
И все прошло, и кончилась зима.

* * *

Весной пронзительно и пусто,
Как в коридорах универа.
Я не прислушиваюсь к чувству,
Я принимаю все на веру.

Еще трава не дотянулась
До голубого кислорода –
А жизнь взяла и улыбнулась,
И отпустила на свободу.

Мы загорим, как абрикосы,
Мы отгорим, как зажигалки.
Прохожие посмотрят косо
И растворятся в переулке.

АПРЕЛЬ

Ты улыбаешься, как сорок тысяч братьев
Не смогут улыбнуться. И за это
Тебя на части рвут пенсионерки,
Душевно нездоровые девицы,
Прохожие, забывшие дорогу,
Тинейджеры всех видов и полов.

Когда сплошным весенним обостреньем
Страдает население Барнаула,
И всё течёт и тает, словно сахар, –
Все прежние влечения, все соблазны,
И сахарное сердце, в том числе, -

За что, скажите, драматурги мира,
Мне выпало неслыханное счастье
Стать персонажем этого сюжета,
Немного поучаствовать в спектакле,
Тебя любить и на тебя смотреть?

ВЕСНА

Все мои башмаки прохудились одновременно.
Ладно, надо же чем-то расплачиваться за радость.
Ты в меня проникаешь мгновенно и внутривенно.
Мне от собственной крови уже ничего не осталось.

Посмотри, как легко превращаются в принцев
уроды,
Даже эти менты, что меня загребли под сурдинку!
Отчего так похожи свобода и несвобода?
Кто мешает полгода вот так простоять в обнимку?

Что тебя не убьёт - то наверняка спасает.
Только, если не ведьма, – утонешь, уйдёшь под лёд.
На тонюсенькой ниточке сердце моё подвисает,
И внутри пружинка свернулась – сейчас рванёт.

* * *

Весна идет, как рок-н-ролл,
И сносит мелкие преграды.
Шел сладкоежка - и набрел
На двадцать фунтов шоколада.

И сердце замерло в груди,
И мысли понеслись, лохматы.
Шагай, бродяга! Впереди –
Июнь, изюм, халва, цукаты.

* * *

Чьи-то чувства горячи,
Как последняя награда.
И весна – уже почти
Предпоследняя услада.

Чертыхаются грачи
Из-за брызги винограда.
И спешат, спешат врачи,
Предпоследняя бригада.

* * *

Жизнь моя – то трепет, то лепет,
То полёт, то полный улёт –
Снова мне горбатого лепит,
Что до свадьбы всё заживёт.

Снова май. Мы ушли от погони.
Зацветает любимый вяз.
Сизый голубь клюёт с ладони,
Так доверчиво и не боясь.

Всё теплее, теплее, теплее,
Скоро будет совсем горячо.
Мы гурьбой идём по аллее,
Расширяется мой зрачок.

Видно, зря я губы сжимаю
И молчу, и курю взатыг.
Я над парусом поднимаю
Развесёлый индийский флаг.

* * *

Холодные уколы дождика
В июне знойном и большом.
Картину модного художника
Пристроила я хорошо.

В стакан добавим позитива,
Не будем сочинять стишков.
Перехожу на детективы:
Кровища, трупы и любофф!

Спасибо, милосердный Господи,
За то, что тучи изобрёл!
Сегодня я видала поползня,
Он был отважен, как орёл.

* * *

Это только капля воды, сползающая по ноге.
Нарисуй себе девушку с белкой – и наступит лето.
Стань красивой, как ведьма, утони
в незнакомой реке,
Напиши про это роман и забудь про это.

Это только осколок любви воткнулся в ребро.
Это так же легко забудется, как сочинилось.
Нарисуй себе облако: золото и серебро,
Улети подальше и сдайся на чью-нибудь милость.

СЕРЕДИНА ИЮЛЯ

Плаваются от зноя
Африки-Америки.
Эскимо ручное,
Сигарета в скверике.
Звуки лаун-тенниса
Аристократичные.
Скоро мы поженимся –
Впрочем, это личное.
Шоу продолжается,
Нежно-неприличное.
И цветы качаются
Яркие, публичные.

* * *

Кот на даче становится мягким, разнеженным,
Каждый день, бродяга, приносит мышей.
Я тебя всё ещё люблю, конечно,
Хоть давно пора бы погнать взашей.

Дамы в этом сезоне носят платья,
Бирюзовые и лиловые, серые, в пол.
Я избавлюсь от этой любви, как от заклятья,
Буду Путина обсуждать и смотреть футбол.

КОНЕЦ ЛЕТА

Незагоревший палец под кольцом.
Собака ест с ладони эскимо.
И юноша с обиженным лицом –
Не мой герой, а персонаж кино.

Незагорелый пылкий дистрофан,
Участник сексуальных эскапад.
Кусочек жизни делим пополам,
Встречаясь наугад и невпопад.

Мы лета уходящего ломоть
Кусаем и глотаем, не жуя.
Кусочек сердца – нет, не отколоть,
И не пытайся, деточка моя!

ПЕРВОЕ ЛЕТО

Стрекоза на Сониной коляске,
Всякая другая мошкара...
Спи, детёныш мой, в волшебной сказке,
Полной разноцветного добра!

Много я бродил по белу свету,
На ходу взбивая пену дней.
Ничего на свете лучше нету,
Чем прогулки с девочкой моей!

Стану самоходным драндулетом,
Энтомологическим кружком –
Чтобы этим, самым первым, летом
Ты была счастливым мотыльком.

* * *

Ещё люблю чахоточные дни,
Ртуть октября, разлитую в природе,
Кафешантанов мёрзлые огни,
Стук каблуков в подземном переходе,
Слепой пунктир осеннего дождя,
Последнего в сезоне уходящем.
Так любят на прощанье. Ночь нежна.
Не злите мёртвых, не будите спящих.

ОКТАБРЬ

Не мельтешить, по-взрослому любить
И обращать субстанции в вино.
Царю Мидасу нечего ловить:
Всё в золото и так обращено.

Природа умирает, бьёт под дых,
Красиво разлетаясь на куски.
О, дайте, дайте мне простой воды
И чувств, не обращённых в медяки!

* * *

Рябина – ярче артериальной крови.
Лужи покрыты ледком.
Ты сводишь чёрные брови:
Холодно, холодно, хо-
Чешь тепла и смеха,
Дружеской болтовни.
Хочешь уехать
В предыдущие дни.
Голуби распушились,
Редкий летит снежок.
Это – последняя милость,
Это – октябрь, дружок.

НОЯБРЬ

Последние невыцветшие листики.
Последние несломанные пестики.
Последнее молчание ягнят.
Молчаньем разбавляем звукоряд.
Ранеток капли на асфальте сереньком.
Густая, золотая кровь осенняя.
И птичий мат, и мятый самиздат...
Мороз и солнце скоро победят!

МОРОЗ

У всех прохожих щеки ноют,
Звенят стеклянные коленки.
У воробья замерзли ноги,
Он греет их попеременке.

Снега свежают ежедневно,
Без передышки выпадая.
Любая женщина – царевна,
Румяная и молодая.

И городской пейзаж прекрасен
Возле бессонного вокзала.
И Новый год – любимый праздник,
Все обещающий сначала.

* * *

Давно-давно ни с кем не спала в обнимку.
Давным-давно – такое было кино.
Надеюсь, ещё узнаешь по фотоснимку
Смешного мальчика в праздничном домино?

Опять замело Барнаул по самые крыши.
Сто двадцать автомобилей столкнулись, летя.
Я ухом - к снеговика: тихонечко дышит.
А я? Приложите ухо ко мне! Хотя...

* * *

Вам, зимой уехавшим на Гоа
Пить дешёвый ром и курить траву,
Не понять, что зимняя голова
Очень плохо держится на плаву.

Не метафора смерти – а просто смерть.
С облаков упасть, замёрзнуть в пути,
Через эту зиму перелететь,
Через всю Сибирь за рецептом идти.

Обойдусь грибочками в пирогах,
На диванчике мирно буду сидеть.
Электрический кот свернётся в ногах,
И дежурный бес подкинет идей.

Эту невыносимую ерунду,
Всё, что голос чужой внутри говорит,
Я тебе на английский переведу,
Я тебе переведу на санскрит.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СТИШОК

Ночное яблоко на кухне поедая,
Сижу, румяная и молодая.
А тот, кто ведает румянцем и тоской,
Подушку греет нежною щекой.
А та, что на него до слез похожа,
Спит, становясь и старше, и моложе.
А тот, кто их оберегает сон,
Уже рожден.

* * *

Есть грустные фильмы с веселым концом,
Есть милые люди с несчастным лицом –
Но в черном желудке январского неба
Уже не рассмотришь, кто был подлецом,

А кто – Белоснежкой и Питером Пэном.
Размазаны наши печали по стенам,
А сверху написано красным коряво:
«Я Васю люблю» и «Nirvana forever!»

Сдавайте бутылки, прошло Рождество!
Никто и не помнит уже ничего.
И только девчонки из детского сада
Еще веселятся внутри снегопада,

И только собаки от снега шалеют,
И только ослы ни о чем не жалеют,
И только следы на снегу остаются
Для тех, кто однажды захочет вернуться.

* * *

Снег блестит, как нафталин,
Ядовитая отрада.
Убирайся, милый сплин,
От резных дверей Царьграда!
Знаю точно: я – была,
Но не точно знаю, есть ли.
Расчехлите зеркала,
Те, в которых вечно вместе!
Пусть беснуются, блестят,
Пусть летят куда хотят!

* * *

Кончался декабрь. Последние торты пеклись,
Последние Деда Морозы на вызов неслись,
Последние дворники снег убирали последний,
И мокрые шапки, как звери, лежали в передней.

Кончался декабрь. Психиатр на дежурстве дремал,
И легкой метелью припугивала зима,
И легкая неврастения плела паутину:
Я здесь, мои милые, я вас вовек не покину.

Кончался декабрь. На елку навесив шаров,
Мы думали, что защищен и украшен наш кров
Духом лесным, духом святым,
Запахом детства, дождём золотым.

* * *

Останется холод в запястьях,
Останется снег в рукавах.
И слово по имени «счастье»
Найдет свое место в веках.
Никто не оглянется, плача,
Не станет столбом соляным.
Зима постепенно и плавно
Уйдет от живых к неживым.

ЗИМОЙ

Зимой цветы не каждый день поливают,
Не каждый день соловьи поют баркаролы.
Люблю, когда лелеют, а не убивают,
Чудесно, когда тебя встречают из школы.

Безумный мир становится *tabula rasa*.
Безумный мозг, как печворк, пестрит клочками.
Мы видим то, что не фиксирует НАСА –
За это нас профаны зовут дурачками.

Зима у нас – а значит, хоть где-нибудь лето.
Мессия был – а значит, есть Галилея.
Иди на свет, раз выбрал сторону света,
И, знаешь что, убей меня, не лелея.

* * *

Ненакрашенные девушки в утренних автобусах
Чем-то отличаются от девушек накрашенных.
У них бледные щёки, светлые волосы
И губы печальные, позавчерашние.

А ещё эти утренние девушки ненакрашенные
Легко растворяются в мартовском воздухе,
Знают несколько слов языка не нашего
И умеют по лужам ходить аки посуху.

* * *

Кофе со сливками, хлеб с шоколадом,
Кровь с молоком, виски со льдом.
Это – прохлада детского ада,
Это – твой дом.

Ты просыпаешься в августе нежном,
В нежном тепле, в креме-брюле,
С невыразимо сладкой надеждой
Жить на земле.

Каждая тварь мимолётного царства,
Каждый малёк, каждый мураш
Знает, что лето – это лекарство,
Что августнаш.

Если садятся на пальцы стрекозы,
Дышит земля, пахнет травой –
Переживём грозы-морозы,
Нам не впервой!

* * *

И в этих скудных декорациях,
Среди загаженных снегов,
Цветут роскошные акации
И для друзей, и для врагов.
И в этой жалобной провинции,
Где даже дети не смешны,
Идут по улицам провидцы
Благоухающей весны.

ОРФОРЭПИЧЕСКИЙ РАЎ

* * *

Спокойно, коллега! Кровищу с ладоней стирай,
Рифмуй за Уильямом Ш., не страшась повторенья!
Мы в рай попадём, в орфоэпический рай,
Где нежно расставлены правильные ударенья.

* * *

Вино не может быть сухим.
Скинхэд не может быть патлатым.
А ослик должен быть худым,
Как написал Сергей Довлатов.

Полгорода прошла пешком
Моя разнеженная тушка.
Душа летела мотыльком.
Она должна летать, старушка!

Сегодня мир – такой цветной,
И люди, все подряд, красивы.
Любовь не может быть смешной,
Но, даже если так, – спасибо!

ГЕНЗЕЛЬ И ГРЕТЕЛЬ

Разлучены домашними заботами,
Замучены плебейскими делами,
Мы кажемся кому-то идиотами,
Но Бог – не фраер и глядит за нами.

Он расставляет маленькие звёздочки,
Он сыплет на дорогу крошки хлебные –
Чтоб мы не заблудились в этой области,
Чтоб мы нашли друг друга, дети бедные.

От ветра – слёзы. (– Я бы пооблизывал!)
Плюс нежность, радость, меткость попадания.
Бродячие сюжеты – вещь капризная,
Бредут куда хотят – и до свидания.

Пускай не досыта прикосновения,
И кровью не подписана бумага,
Но если все соединить мгновения –
Получится неслыханная сага.

Недолог путь от рая до погибели,
Нелеп расчёт, и жребий одинаков.
Но сердце твоё тёплое, любимое,
Хранить я буду, как Шопена – Краков.

* * *

И пальцем в сердце ковыряет
Ночная музыка, зараза.
И никого не повторяет
Дезоксирибонуклеаза.

Don't play your rock-n-roll to me!
Я руки от тебя отмою.
Всё, что придумано людьми,
Нас не касается с тобою.

* * *

Саган, Саган, Саган и снегопад!
Банальней – только звезды, говорят,
Банальней – только парная рифмовка.
Примерю одиночество неловко
И формулу сонета повторю.
Прощай, прощай! – апрелю говорю.
Прощай, любовь, неверная чертовка!
Прощай, прощай, прощай – и снегопад.

* * *

Марине Панфиловой

«О кофе сладостный, и ты, миндаль сухой!»

Э. Багрицкий

Утешься, ты не нужен никому.
Сойди в свою душистую тюрьму
Из лепестков шиповника и мяты.
Когда растает твой последний вдох
На рубеже медлительных эпох,
Никто не спросит: – Где же ты? Куда ты?
О кофе сладостный, и ты, миндаль сухой!
Забиты мысли вялой чепухой,
Распуган праздник мысленным ОМОНОм.
Марина в Краснодаре ест арбуз,
Прочитаны в трамваях Джойс и Пруст,
Аджика сварена, и холодно влюбленным.
О шоколад растаявших Наташ!
Душа сквозит, идя на бордаж
Тоскливых дней и вдохновений куцых.
Что легче – воздух или голова?
Прости, Пелевин, я еще жива,
Шурша по октябрю без революций.

ШТИРЛИЦ

Он не курил натошак, как гой,
Водочку пил раз в год,
Деток любил, словно Лев Толстой,
Если Семёнов не врёт.

Зоологический пуст музей.
Где чуваку потусить?
А у разведчика нет друзей,
Путина можешь спросить.

Жил по секундам, как пел Кобзон,
Слушал Москву, грустил.
Вне эrogenных держался зон,
Габи – и ту пропустил.

Кофе глотнув, хотя бы эрзац,
Ждал письмаца от жены.
Унтер ден Линден – это абзац
В самом конце войны.

Наш не-Берлин от ненастья сер.
Гопники на углу.
Радиограмму примите, сэр:
Штирлиц, я Вас люблю!

КИНЕМАТОГРАФ

Почему-то не хочется надписи fin,
Сериал не имеет конца.
Шевелись, обленившийся эндорфин,
И подростка, и подлеца!

Отцвело одуванчиковое вино,
Но у жимолости урожай.
Мы победно доснимем наше кино –
И, пожалуйста, не возражай!

Назовём «Сумасшедшие» или «Лицей»,
И, какой бы ты ни был злодей,
Ты вернёшься, участник любовных сцен,
В самый лучший съёмочный день!

КИНО

Двубортный пиджак, борсалино, широкие брюки
с манжетом,
Брутальная морда Машкова, одесского сленга
чеснок.

Мне нравится этот мужчина, зелёное буйное
лето,
Морская солёная пена, сахарный мокрый песок.

Гудит коммунальная кухня, бульвар шелестит
крепдешинном,
Шпион покупает пирожных в кондитерской
на углу.

Все барышни безупречны на снимках
отретушированных.
Тётка торгует семечками. Муха ползёт по стеклу.

Мадам, не чешите мне нервы! Петь и смеяться,
как дети,
Меня на Библию Бебеля, Бабея – ни на кого.
Сегодня одесские перлы проще найти
в Интернете,
Но лучшие в мире картинки - только во сне
и в кино.

Невымышленные сюжеты, нездешние сигареты,
Мерцание киноплёнки, коричневой под старину.
Любите кино, стихоплёты! Любите его, как поэты,
Ведь так увлекательно это - страну разглядеть
в глубину.

КИНОКЛУБ

Вячеславу Корневу

Это зимнее время, детка.
Это привкус простуды в теле.
К банкомату примёрзла кредитка –
Что за фокусы, в самом деле?

Ты скользишь по октябрьской гнили
В чёрно-белом фильме Брессона.
Крошку Жанну давно убили,
Так привычно и монотонно.

Замороженное – моложе.
Это зимнее время, детка.
И выискивать смыслы - то же,
Что под снегом искать монетку.

В ЗАНЗИБАР И ОБРАТНО

* * *

Ты пройди со мной, пожалуйста,
До окраины Земли!
Там в озерах отражаются
Облака и корабли.

На слонах, на черепахе ли
Мы летим среди миров.
Мало жили, много плакали
И любили дураков.

Ты пройди со мной, пожалуйста,
Через лес и через ад!
Самым грустным будет занавес
И веселый путь назад.

Но пока мы только в термосы
Наливаем кофеек,
Проверяем наши компасы
И от спички огонек.

Все пути еще заснежены,
Не растаяла лыжня.
Все слова уже заезжены
До тебя и до меня.

Но – открыто, как красавица,
Улыбается февраль.
И деревья расступаются,
Словно поняли пароль.

Мы пройдем через окрестности,
Мимо смерти и реки,
Через маленькие мерзости
И большие пустяки.

Назови меня по имени,
Как травинку и щегла!
Жизнь казалась просто длинною –
А теперь она щедра.

* * *

Свете Тезовой

Отращу себе длинные волосы,
Стану сразу красивее всех.
Ты отправишься вечером к Жолосам,
Я поеду в какой-нибудь Н-ск.
Мы пройдемся заснеженной улочкой
С человеком, которого нет.
Он кулемой и глупенькой дурочкой
Назовет меня. Я пистолет
Не достану из маленькой сумочки
И не выстрелю в этот портрет.
Потому что любовь не кончается,
Потому что за каждым ребром
Тыща тысяч любовей вмещается,
Потому что золой и огнем,
Теплым пеплом домашнего кладбища
Будут греть до последнего дня
Все любви - и эта, и та еще –
И тебя, и меня.

* * *

Только в рапиде
Увидишь
Распускающийся цветок.
Только в обиде
Изыдешь
Копотью между строк.
А в Антарктиде
Прилепишь
Жвачку на ось – зер гут!
Только Фемиде
Ответишь,
Если калёным прижгут.

ПРОГУЛКА

Я чувствую: ничто, ничто не поздно.
Давай бродить вдвоем и налегке!
Ведь зелен мир, и бесконечен воздух,
И синий лес – как горы вдалеке.
Такого солнца не было ни разу,
И карусель раскрашена пестро,
И на базаре весело и празднично,
И запах детства беречет утро.

* * *

Пойдём гулять по Осипенко,
По Пивоварке, по солярке!
Как незаметно, постепенно
Любовь меняет аватарки!

Как обольстительно смеётся,
Как беззастенчиво блефует!
Я знаю, пятна есть на Солнце.
Я на Земле перезимую.

Ты где-то рядом, чую носом,
Тебя по запаху узнаю.
«Пошив мешков для пылесосов» —
Какая вывеска смешная.

* * *

Мне нравятся вечерние бульвары,
Тугие толпы маленьких людей,
Дожди, не потушившие пожары
Простых эмоций и смешных идей,
Резной листок, упавший навзничь с дуба,
Кровавый росчерк после комара,
Живот и плечи, волосы и губы,
И прочая волшебная мура.

* * *

Марине Брискиной

Блуждая по вечерним городам,
Рассмотришь даже то, чего не видно,
Забудешь, что бедна и голодна,
Что влюблена безжалостно-постыдно,
Что истончилась радостная жизнь,
Как лепесток цветка в старинной книге,
Что будет прежним – жди или не жди –
Рассвет декабрьский, пасмурный и дикий,
Что музыка терзает, как паук,
Что нет от чуждых запахов спасенья,
Что в понедельник исчезает вдруг
Все то, о чем мечтала в воскресенье,
Что свет горит лишь для того, кто зряч,
Что теплота – не физика, но тайна,
Что разница удач и неудач
На слог «да» бледнеет моментально...
Как этот город ласково горяч!
Как эта темнота сентиментальна!

* * *

Не кормите меня трамадолом,
Не склоняйте к развратному сну!
Я иду, подметая подолом
Свою маленькую страну.

Не глядите благоговейно,
Как бездельник на работяг!
Мне довольно глотка глинтвейна,
А потом – покурить невзятяг.

Глядя прямо в глаза, Витюша:
Почему я такая овца?
Почему апельсины из плюша?
Почему из ваты сердца?

* * *

Вкусно пахнет от хлебозавода.
Поддаёт листопад огоньку.
Не буди во мне жалость, природа,
Ни к предателю, ни к дураку!

Выбегая из универмага,
Не грущу, не сержусь, не прошу.
– Он меня не разлюбит, бедняга! –
Я безжалостно произношу.

* * *

Мы обогнали 57-й
На нашем скоростном 60-м.
Какое упоенье, Боже мой!
Но я б хотела жить в 60-м:
На старой «Волге» ездить по Москве,
Петь у костра, в Таганку пробиваться...
«Петь у костра» - вычёркивайте: вне
Моих пристрастий эти декорации.

* * *

По социуму, по Соцу,
По маленькой жидкой реке,
Сама себе штурман и лоцман,
Со щёткой зубной в рюкзаке...

Не вырваться? Да и не надо!
Невесело? Это враньё:
В любом закоулке ада
Есть очарованье своё.

* * *

Цикорий, клевер, лебеда,
Тугие тромбы кровохлёбки...
Ты разбираешь без труда
Цветного лета заголовки.

Ложись в траву, пусть муравей
Переползает Гулливера.
Дыши, смотри – и стань живой,
Насколько хватит глазомера.

* * *

Марине Сташинской

Я не хочу есть, я хочу только спать –
Долго-долго, всегда.
Черно-белые образы перебирать,
Чтобы слезы были вода.
Помнишь, Марина, бумажных писем тепло,
В Бресте твоём – кофе и новые шляпки?
Господи, как все ушло, куда все ушло?
Ветер и снег, и пустота в охапке.

* * *

Косяки ночных акул –
Плотоядные такси.
Это только Бар на ул.,
Прочерк в сводках ВВС.

Это тёплый полумрак,
Нежный привкус c'est la vie.
Знаешь, я не помню, как
Объясняются в любви.

До утра закрыт музей.
Сигареток огоньки.
Припозднилась у друзей –
И кусаю локотки.

Я беру свободный курс,
Словно нищий на пиру.
Знаешь, я забыла вкус
Поцелуев на ветру.

Мальчик у стены журчит,
Извиняется, хмельной.
...Словно ангел, подлетит
Мой ночной 48-й.

* * *

Константину Гришину

В душистом воздухе предместий,
Где лопухи и лебеда,
Последних отзвуки известий
Рассеиваются без труда.

Наверх засмотришься с зарёю:
Звезда, и плюс ещё звезда.
Вот их соединить прямою –
Так приведёт она куда?

Сидишь на маленькой террасе
И медитируешь на Обь.
Теряйся, деточка, теряйся,
В предместьях раствориться чтоб!

Осе по морде наглой врежешь,
Сорвёшь мускатный виноград...
А запахи-то – те же, те же,
Что триста лет тому назад.

ПАРАМАРИБО

Ну, что, душа, заманчиво свернуть
К зелёным побережьям Суринама?
Заходишь в Атлантический по грудь –
И где там Барнаул, и где там мама!..

Твой организм к экватору привык
И по-голландски говорит коряво.
Нырни поглубже в сахарный тростник,
За рощей апельсиновой – направо.

Не скромничай, что хочешь, выбирай!
Неважно, что ты видишь, засыпая.
Парамарибо – виртуальный рай,
Парамарибо – песенка такая.

Свернуть, вернуться, переворошить
Всё читанное в нежном пубертате.
Как просто жить, когда не хочешь жить
И вовсе не уверен в результате!

Ты повторяешь: – Весь я не умру! –
Сбиваясь на последних оборотах...
Вот штука в чём: ты не свернёшь, мой друг,
Так и замёрзнешь в северных широтах.

* * *

Мы не поедem в Занзибар,
Оставим глупые мечтанья.
Под заунывный скрип гитар
Мы выпадem из мирозданья.

Из чёрно-белых кинолент –
В свои цветные сновиденья,
Из дыма бийских сигарет –
В почти любовь и наслажденье.

Когда тревога не даёт
Взглянуть на мир и рассмеяться,
То только полный идиот
Не в состояньи догадаться:

Всё относительно, как грипп,
И Занзибар – не за горами.
Кто полюбил, тот не погиб.
А что ещё случится с нами?

НОСТАЛЬГИЯ ПО ЛЕТУ (КРАСИЛОВО)

1

Я хочу поехать с Корневым в Красилову,
Сочинить философическую сказку,
Душу, в общем-то, и так красивую,
Звёздами засыпать под завязку.

Надышаться запахами родины,
Изучая местную ботанику,
И лежать с Алёной Воеводиной
В озере, в тепле перинатальном.

С глупыми печальями расстаться
Возле режиссёров незнакомых,
По ночам палить костры и репутации
И шарахаться от крупных насекомых.

Вылететь пичугой оголтелой
Из зоологического атласа,
Чтобы всё прожечь, что не сгорело,
До последнего мгновенья августа.

2

В раю мы будем в мяч играть.

В. Набоков

Мотыльки под фонарём.
На костре кипит манага.
Мы, конечно же, умрём
На развалинах Рейхстага –
От обиды, от любви,
От ножа или укола.
Но сейчас – отбей, лови
Синяки от волейбола!
Подавай кручёный мяч -
Пусть попрыгают, макаки!
Впереди – лихой палач,
Нега танковой атаки,
Впереди – снега, дожди,
Пир во время канонады.
Но сейчас мы победим
Рейха подлую команду!

3

Травинкой ящерицу гладить
И зайца жирного спугнуть,
Писать граффити над кроватью,
Что надо делать что-нибудь,

Упасть в траву под звездопадом,
Расстреливающим в упор,

И безыскусностью нарядов
Смягчить искусный разговор,

В лицо костра глядеть ночами,
На пляже прожигая дни,
Понять среди людей случайных,
Что не случайные они,

Сто двадцать чашек чаю выпить
И ногу ножкой называть.
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать.

* * *

На игрушечном паровозе
Никуда не уехать нам.
День, как девственница, нервозен
И не делится пополам.

В непрочитанные романы
Мы опять уходим пешком –
Вечно пьяны, непостоянны,
Оттого и идём легко.

Незнакомые птицы воркуют,
Ядовитые травы дрожат –
Вот такую, такую, такую
Жизнь и хочется продолжать!

* * *

Что-то сердце болеть начинает.
Что-то номер не отвечает.
Что-то муж головой качает,
Не подносит мне спичку, злодей.
Я пойду в темноте прогуляться –
Ничего, что домашние злятся –
Я дойду до конца декораций
И увижу картонных людей.

* * *

Миллиметры ртутного столба,
Сантименты всяческих деталей –
Глупая, весёлая судьба:
Дали, акварели, цинандали,

Нежные убийства по средам,
Дерзкие убийства по субботам...
Ты не понимала никогда
Патриотов, ботов, идиотов –

Просто шла, насвистывая ля,
Просто шла, насвистывая что-то,
Резкого давая кругаля
И не замечая поворота.

БЕСПОШАДНАЯ НЕЖНОСТЬ

* * *

Мы ещё с тобою встанем в позу.
(Лучше – ляжем.) Я скажу: – Налей
Гомеопатическую дозу
Беспощадной нежности твоей!

* * *

Девочка моя, судьба,
Ты меня избаловала,
Положила мне в ладонь
Самый яркий апельсин.
Каждый день моя любовь
Начинается сначала.
Как ты сделал это, мой
Ненаглядный сукин сын?

РАХАТ – ЛУКУМ

Давай устроим детский сад:
По подворотням обниматься,
Сюсюкать, гладить всё подряд,
Как будто нам опять двенадцать.

Давай забудем обо всём,
Что было, есть и окружает.
А если спросят – мы соврём
И спрячемся за гаражами.

Мы – в домике, нигде, не здесь,
Мы – привидения с мотором.
Плевать, что все, в ком зреньё есть,
К своим прильнули мониторам.

Давай нарвём травы котам
И повалеемся на травке.
Потом заплатим по счетам,
Фальшивые сварганив справки.

Давай положим грудь на грудь,
А можно – голову на руки,
И мизансцена хоть чуть-чуть
Поможет в завтрашней разлуке.

Нахально будем пить вино,
Везде оставим отпечатки.
Твоё волшебное лицо
Впечатано в мою сетчатку.

Давай засахарим судьбу,
Чтоб целый день напропалую –
Рахат-лукум любимых губ
И сладких, сладких поцелуев.

* * *

Ты меня уже не забудешь,
Я рифмую на тыщу лет.
Ты меня уже не разлюбишь,
Потому что времени нет.
Ты меня уже не оставишь,
Ты меня уже не предашь,
А на полочку в шкаф поставишь
Среди прочих Наташ.

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА

Сигарету в окно брось.
Мы с тобою всегда – врозь.
Разговоры идут вкось.
Хочешь – брось, все равно – врозь.
Ну, а если в постель лечь –
Между нами всегда меч.
Только я не хочу так,
Ляг поближе, прижмись, враг!

* * *

Пролетает время, как пуля.
Вот такая, дети, фигня.
И уже стоят в карауле
Не у Ленина – у меня.

Мы в одном, наверно, карассе,
В этом совпаденья секрет.
Есть ещё лет десять в запасе.
(Впрочем, их всегда десять – лет.)

Фарида играет нимфетку.
Я играю няню твою.
Скушай, детка, эту конфетку!
Будет упоенье в бою.

Обожая буквы и строчки,
Не считая книгу тюрьмой,
Мы не зря сошлись в этой точке,
Чтобы разойтись по прямой.

Я, как Мандельштам, не ревную,
Мне и так даров – будь здоров!
Дай-ка я тебя поцелую
Не в глаз, а в бровь!

* * *

Есть ночи вдохновенного сна,ня,
Есть ночи упоительного блуда.
Какую выбрала душа твоя –
Не знаю я, не видно мне отсюда.
А Млечный Путь всё светится, паскуда.

МАНТРА

Кто не любил – тот не разлюбит.
Солдат ребёнка не обидит.
Меня любовник не забудет.
Других любовник не увидит.

Ты – мой, везде и постоянно.
Дороги все ведут до Рима.
Я магнетически желанна,
Магически неотразима.

* * *

Лёгкость! Люблю твою поступь неслышную,
Голос твой молодой.
Снова весёлая, снова нелишняя,
Как ветерок над водой.
Снова мои небеса улыбаются,
Бога почти что видать.
Зря мои бедные бесы стараются,
Душу не дам отобрать.
Я отвернусь от заученной пропасти,
Вспомню другие слова.
Воздух! Полные лёгкие лёгкости,
И в облаках голова.

* * *

Как я рада, что ты веселый,
Словно тени меж нами нет!
Помню это со средней школы:
Просто – дружба на триста лет,
Просто – жизнью о жизнь, как спичкой,
Чиркнул бес, улыбнувшись нам,
Просто – нежность, просто – привычка,
Как ладонью по волосам.

* * *

Нарисовал на сердце пентаграмму
Какой-то ангел сердца моего.
А сердце – не резиновое, мама,
И больше не вмещает ничего.
Ни шагу в сторону, в постель не лягу!
Скрипи, перо, переводи бумагу!

ЭРОТИКА

Держать, кусать, посасывать, лизать,
Вдыхать и осознать, глотать со вкусом...
Как я люблю по городу гулять
Без видимых причин, спонтанным курсом,
Опустошая вафельный рожок
С бесстыдством подростковой Камасутры.
Свобода, лето, воскресенье, супер,
Пломбира эротический ожог.

* * *

Утром маешься от стыда,
Вспоминая вчера осторожно?
Восхитительно: ты – молода,
Безответственна, безнадежна.

Ватсон, элементарно: стареть –
Значит, к лучшему измениться,
Научиться не сожалеть,
Не оправдываться, не стыдиться.

А пока это мутное утро –
Твоя карма и Камасутра.

СВИДАНИЕ

Моя нервная дрожь начинается в полшестого.
Я – влюблённый маньяк, у меня потемнели глаза.
Как Наташа, глупа и в пальто, как Наташа Ростова,
Углубляюсь в дремучие мысли, шагаю в леса.

Перепуталось всё под шляпкой из серого фетра.
Ослепительный март открывает изнанку свою.
И меня так несёт, при полном отсутствии ветра,
Что, боюсь, занесёт. А, впрочем, уже не боюсь.

Мы, конечно же, пьём что-то острое и ледяное.
В облаках голова, из неё улетели слова.
И охранница тётянька заподозрит дурное,
Неприличное что-то. И, в общем-то, будет права.

* * *

Поцелуй меня в темноте,
Под оранжевыми фонарями!
Человеческой мелкоте
Не угнаться уже за нами.

Вечереет. Время пришло
Обменяться слюной и кровью.
Очень близко, почти тепло,
На 17% – с любовью.

* * *

Жизнь – загадочна, смерть – проста.
Я и ту, и другую знаю.
Ты приходишь ко мне поспать.
Я, родной, и не возражаю.

Осень – радость, зима – тупик,
Перезвон безнадёжной прозы.
Я найду себе материк,
Где азалии и мимозы.

Этот, где мигрень и мороз,
Я давно уже изучила.
Я устрою постель из роз,
Чтоб она тебя разбудила.

* * *

Насекомые ангелы, похожие на стрижей,
Рассекают пространство над нами на мелкие части.
Долетает душа до двенадцатых этажей.
Самолёты чертят два слова: «любовь» и «счастье».

Высоко летают – значит, дождь не грозит.
Ты целуешь меня вверх ногами на тёплой скамейке.
Выпью всё до последней капли я, паразит.
А взамен – забирай мою жизнь,
до последней копейки!

* * *

Кривляка, эстет, читатель
Переводных томов,
Любовник, приятель, предатель,
Герой моих девичьих снов!
Коллекцию вот такую
Я бы хотела в глуши:
Наши с тобой поцелуй,
Как бабочек, засушить.

* * *

Позвони мне, позвони,
Напиши хотя бы!
Знаю-знаю, мон ами,
Что все дуры – бабы.
Не хватает эскапад,
Солнца и простора.
Выйду замуж невпопад
За коммивояжёра.

* * *

Тонкий запах туалета,
Мужики водяру пьют.
Только в этой части света –
Мой покой и мой уют,
Моя радость, моя сладость,
Моя вечная любовь,
Моя сила, моя слабость,
Мой кораблик голубой,
Мои вредные привычки,
Мои нежные друзья...
Загораемся от спички,
Начинаемся с нуля.

* * *

Быть дворниками на твоём ветровом стекле,
Бесмысленно мотыляться перед глазами.
Быть мелкой букашкой в крапиве и конопле,
В твоей голове возникать, словно боль или заумь.
Питаться иргой, барбарисом, дарами полей,
Спокойно забыв, кому и с кем изменила.
Быть самой любимой нелепой ошибкой твоей,
Подчеркнутой красным. Должно быть, это чернила.

* * *

Силуэты, огни, голоса.
Память длится четыре мгновенья.
Я любила Вас полчаса,
С перерывом на сновиденья.
Ухмыляются небеса,
Голубые до самозабвенья.
Это – светлая полоса,
Херувимов кастратское пенье.

* * *

Твои египетские руки.
Твои зелёные глаза.
Твои любви и разлуки
Нетрудно в сказочке сказать.

И, может, вовсе не напрасно
Ты прячешь голову в песок?
Жизнь – справедлива и прекрасна.
А смерть прошла наискосок.

БОГУ – ЗАЧЕТ

* * *

Мы связаны тысячей разных людей,
Ловцы сновидений, потомки дождей,
Фанатики солнца, фантики горьких конфет.
И видно по каждому: счастья, как не было, нет.
И лишь улыбки мимолётный штрих
Тебя отъединит от всех иных.

ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬСЯ

Чтобы встретились два человека,
Нужно, чтобы совпали сны,
И глаза совпали, как реки,
И созвездия были равны.

Нужно сомнамбулически красться
Мимо всех, кто с другим лицом,
Мимо времени, мимо пространства,
Мимо страха перед концом.

Нужно память засыпать снегом,
Тополиным прахом до плеч.
Чтобы встретились два человека,
Нужно вечностью пренебречь.

* * *

Лицо увянет, постареет,
И речь утратит красоту –
Но главное стихотворенье
Я перед смертью обрету.

Какие ветры мне вещали,
Смычками раздирая грудь!
Все, что подарено вначале,
Душа обязана вернуть.

Какие люди приходили
В мой дом, к неяркому огню!
Я зарифмую их мотивы,
Я их сердца соединю.

Какой любовью сердце ныло,
Забыв о жизни остальной!
Я зарифмую это имя,
Оно останется со мной.

Нельзя уйти без повторенья,
Не бросив тени на свету, –
И главное стихотворенье
Я перед смертью обрету.

* * *

Побриться наголо, сверкать макушкой голой
И жечь сердца божественным глаголом.
Бенгальские огни палить публично,
О существительное чиркнув спичкой.
Ко лбам горячим рифмы прилагать –
И прилагательным поклонников сжигать.
Дружить до гроба с лесбиянкой музой –
Затем, чтобы предлогом и союзом,
Наречием, частицей жечь сердца, –
Так вот он, кайф, и нет ему конца!

* * *

Разворачивается журнал,
Иллюстрированная пурга.
Голос флейты журил, журчал,
Раздевал донага.
Кто оставлен – идет босым,
Не отбрасывая теней,
Не дождем – так снежком косым,
Чтоб любили сильнее.
Кто оставлен – ложится в ночь,
В глубину, под смертный сугроб.
Разворачивается сукно
Вьюги, черной, как эфиоп.
Разворачивается холст.
Полнолуние, метель, зима.
Пожалей этот гулкий холм –
Сердце, брошенное с холма.

* * *

Ты меня уже не помнишь.
Снег – несвежая простынка.
Я не выхожу из комнат.
Я – больная, я простыла.

Ты меня уже не просишь
Сочинить статью-другую.
Ты меня уже не бросишь,
Если бросишь – так другую.

Ты меня уже не видишь
В облаках и снегопадах.
Ты со мной уже не выпьешь –
И спасибо, и не надо.

Справедливо, грустно, пошло,
Как спектакли в местной драме.
Ты меня уже не помнишь,
Потому что Бог – не фраер.

Закурю и выпью кофе,
И пластинку поменяю.
Я тебя уже не помню,
Я тебе – припоминаю.

* * *

Как в повторяющемся сне,
Назойливом и страшном,
На угольях – на простыне –
На опыте сестренки старшей –

Вертись, подскакивай, кричи,
Пытаясь разодрать ресницы!
Зеркальный мир – кровоточит,
А кажется, что только снится.

* * *

Когда полынью пахнет день,
Полынью жгут воспоминанья,
И распускается мигрень
Цветком латинского названья,
Когда твоя любовь скучна
Для окружающих созданий,
Январь, как ранняя весна,
Пьянит и требует рыданий,
Когда семнадцатым числом
Помечен день невинной пьянки
И сердце бьется мотыльком
Внутри эфирной склянки –
Пойми, что музыка слышна
В любой тоске, в любой полыни.
И расправляется душа,
Неуязвимая отныне.

* * *

Женщина бутылочку откроет
И закурит свой «Булгартабак»
Ей все можно: родила героя,
А ее возлюбленный – дурак.

Женщина пластиночку поставит,
Вспомнит, расхохочется, всплакнет.
И никто ее не остановит,
Не обломит и не упрекнет.

Женщину в глубокий сон роняет
С высоты кромешной темноты.
И никто ее не догоняет,
И ей снятся птицы и цветы.

* * *

Мише и Лизе Гундариным

Твоя жена измучена, как флейта.
Весна не может превратиться в лето.
Любовь вообще не может ничего.
Как говорит бедняга Альмодовар,
Предельный стиль – вульгарен, словно доллар.
Спи, флейта, Белоснежка, божество.
Ум истощился в прозе повторений.
Лет пять не вздрагиваем от прозрений,
Лет десять как не носим красный цвет.
Где наши шарфы, наши эпатажи?
С кефирчиком садимся в экипажи
И вместо «sure» отвечаем «нет!»

* * *

«Будет весело и страшно».

Черный Лукич

Мы расскажем нашим детям,
Что такое МДП*,
Как бывает на рассвете
Одиноко и т. п.

А еще мы им расскажем
Про вечерний Петербург.
Будет весело и страшно,
Но зато – из первых рук.

* *МДП* – маниакально-депрессивный психоз.

* * *

Телевизор отгорел.
Спички отсырели.
Ты осталась не у дел
Посреди метели.

Очень маленький рассказ
Подошёл к финалу.
Кто-нибудь напишет нас
С самого начала.

Кто-нибудь найдёт мотив,
Притчу и причину,
Все длинноты сократит
Он наполовину.

И останется в веках
Вроде анекдота:
Кто-то умирал в снегах,
Полюбив кого-то...

* * *

Про галечный пляж в Кобулету,
Про тыщу прогулок с тобой,
Про то, как влюбляются дети,
Про эти стихи про любовь,

Про то, что Набоков в постели –
Снотворное круче иных,
Про легкое пламя истерик
И графику звезд голубых,

Про запахи книг и настурций,
Деленные пополам,
Про ересь английских инструкций
К твоим непонятным делам,

Про кофе, про кофе, про кофе,
Сбегающий от греха, –
К разрыву и катастрофе,
К трем выкрикам петуха,

Про музыку с черных пластинок-
Вернейшую из примет –
Про пепел ассоциативных
Рассветов и сигарет,

Про дождь, без ошибки разящий
С размаху под левую грудь,
Про лезвие строчки, изящной,
Как серебро и ртуть,

Про существованье на ощупь,
Вне знания добра и зла,
Про позу детеныша кошки,
Ищущего тепла,

Про сто поцелуев послушных,
Про тысячу тысяч ласк,
Доверчивость нежной простушки
И стервы ревнивой лоск,

Про скорость изгнания из рая
И райских цветов кровать –
Затем лишь сейчас вспоминаю,
Чтоб больше не вспоминать.

* * *

Не заснимешь ангела на пленку,
Не поймашь музыку в ладонь,
Не увидишь в старике ребенка,
Не отыщешь город под водой.
Но – тебя на музыку поймает
Тот, кто ничего не понимает,
Тот, кто в этом городе живет
И ворота на ночь запирает.

* * *

Жить в словарях, в тетрадях ночевать,
В собраниях сочинений просыпаться -
А на обратном адресе писать
Квартиру, город, дом номер шестнадцать.
Жить-петь, влюбляться-лгать, мечтать-летать,
Как тот, в тумане, одинокий парус.
Жить-быть и, знаешь что, – не умирать:
Ведь там теряет смысл обратный адрес.

* * *

Раздели меня на forte и piano,
Разломи на два неравных куска!
И солдатиков твоих оловянных
По периметру расставим войска.

Раздели судьбу на прежде и после,
Паутину натяни на столбы.
Сочинивший эту дикую повесть
Очень слабо разобрался в любви.

* * *

Облизите мне губы,
Подымите мне веки.
Я – пятно акварели
В вашей пинакотеке.
Заторжено тело,
Но ускорены бесы.
Покажите мне пальцы
Этой мёртвой принцессы.
Не звезда надо мною,
А земля подо мною.
Холодеет живое,
Оживает иное.
Я – души невесомость,
Я – сушняк наркомана,
Астраханская область,
Пыль, холера, нирвана.

* * *

Зелёная кровь уходящего лета
Густеет, желтеет, течёт, утекает.
Ты выстрелишь в облако из пистолета,
Дурная, недобрая, да, вот такая.

Нелепые мысли, ненужные книжки,
Прогулки, промашки, волшебные встречи.
Ты станешь отважной, беспечной малышкой,
Не частью – так, может быть, частностью речи.

* * *

Люди живут аккуратно и правильно,
Моют окна, не шлеются в драных кедах
по бульварам,
Варят борщи, выпивают только по праздникам,
Становятся мудрыми, но глупыми, скучными
и старыми.

Я пустяки рифмую пальцами по воде,
Носом по воздуху, вилами по сенокосу.
Скажи мне, Нострадамус, когда и где
Можно будет закрыть глаза и не отвечать
на вопросы?

* * *

Любовь притихла, как мышонок под метлой.
И повторять её как будто западло.
Зачем входить два раза в уксус, в кислоту?
Оставь мечтой свою безумную мечту.

Однажды вечером начнётся первый снег.
Однажды вечером раздастся твой звонок.
И вечер добрый, и хороший человек,
И спит мышонок, и присматривает Бог.

* * *

Девушки с длинными волосами,
Юноши с нервными голосами,
Юноши, ждущие под часами,
Девушки, ром заказавшие сами,
Жизнь, проходящая полосами,
Время, не ждущее под часами,
Юноши с очень смешными усами,
Ветер, играющий волосами,
Письма то Сталину, то Усаме,
Девушки с песней крамольной в храме,
Эту судьбу мы выбрали сами,
Сами с очень смешными усами.

* * *

Быть живой, наслаждаться сияющим днём,
Все молекулы счастья любить, как родных.
В час, когда и собаки гуляют вдвоём,
Не бояться ночей одиноких своих.

Розенкранц, Гильденстерн, вы, бедняги, мертвы.
По свободной душе пролетает сквозняк.
От зелёной травы не сносить головы.
Быть живой – просто так. Быть живой – только так.

* * *

Люблю тебя, амнезия,
Прекраснейшая из дам!
Сокровища хоть какие
Я за тебя отдам.

Ветер, срывающий волосы,
Выветрит всё в голове.
Жить – не больно, не больно.
Жить – это завтрак на траве.

* * *

Не сопротивляйся. Тихонько спи
В постели из цветочных лепестков.
Душа - не собачонка на цепи,
Не речка, вышедшая из берегов.
Не знать, кому она принадлежит –
Подарок милосердных высших сил.
Не говори «я влюблена», скажи
«Спасибо».

* * *

Тихо-тихо прокрасться
Из себя – в никуда.
В этой точке пространства
Ты – звезда.

Тихо-тихо напиться
И тихонько уснуть,
Пока чёрные птицы
Продолжают свой путь.

Очень тихий и скромный
Апокалипсис твой.
И идёшь ты неровно
По кривой.

* * *

Донашиваю за дочерью башмаки.
Это очень удобно: один размер.
Потому что донашивать за сыном башмаки
Было бы не так удобно например.

Смотрю на людей в автобусе, они нелепы:
Или коротышки какие-то, или нос уточкой.
Господи, укрепи мои духовные скрепы!
Обещаю увести всех детей из города с дудочкой.

* * *

Живи между тем и рем,
Восходов и снегопадов.
Дари свои книги тем,
Кому оно на фиг не надо.
И, сколько возможно, дли
Свой неповторимый танец.
Читай по губам: «Ва-ли!» –
Кури и сваливай, братец.

* * *

Только один день
Этот цветёт цветок –
Но Богу было не лень,
Много их создал Бог.
Впрочем, и в космосе время
Иначе, чем наше, течёт.
Так что цветку – цветково,
Богу – зачёт.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Гундарин. Рано или поздно5

НОВЫЙ ГОД

«Мы посмотрели «Ромовый дневник»...»	11
Зима.....	12
«Весной пронзительно и пусто...»	14
Апрель.....	15
Весна	16
«Весна идет, как рок-н-ролл...»	17
«Чьи-то чувства горячи...»	18
«Жизнь моя – то трепет, то лепет...»	19
«Холодные уколы дождика...».....	20
«Это только капля воды, сползающая по ноге...»	21
Середина июля	22
«Дождь прошёл без меня. Посвежело. Природа добра...»	23
«Кот на даче становится мягким, разнеженным...».....	24
Конец лета	25
Первое лето.....	26
«Ещё люблю чахоточные дни...».....	27
Октябрь	28
«Рябина – ярче артериальной крови...»	29
Ноябрь	30
Мороз.....	31
«Давно-давно ни с кем не спала в обнимку...» ...	32
«Вам, зимой уехавшим на Гоа...»	33
Рождественский стишок	34
«Есть грустные фильмы с веселым концом...» ...	35

«Снег блестит, как нафталин...».....	36
«Кончался декабрь. Последние торты пеклись...»	37
«Останется холод в запястьях...»	38
Зимой	39
«Ненакрашенные девушки в утренних автобусах...»	40
«Кофе со сливками, хлеб с шоколадом...»	41
«И в этих скудных декорациях...»	42

ОРФОЭПИЧЕСКИЙ РАЙ

«Спокойно, коллега! Кровищу с ладоней стирай...»	45
«Вино не может быть сухим...»	46
Гензель и Гретель.....	47
«И пальцем в сердце ковыряет...»	48
«Саган, Саган, Саган и снегопад...»	49
«Утешься, ты не нужен никому...».....	50
«В день рождения Ирвина Уэлша...»	51
Штирлиц.....	52
Кинематограф	53
Кино.....	54
Киноклуб	56

В ЗАНЗИБАР И ОБРАТНО

«Ты пройди со мной, пожалуйста...»	59
«Отращу себе длинные волосы...»	61
«Только в рапиде...»	62
Прогулка	63
«Пойдём гулять по Осипенко...»	64
«Мне нравятся вечерние бульвары...»	65
«Блуждая по вечерним городам...»	66
«Не кормите меня трамадолом...»	67
«Вкусно пахнет от хлебозавода...»	68
«Мы обогнали 57-й...»	69
«По социуму, по Соцу...».....	70
«Цикорий, клевер, лебеда...»	71

«Я не хочу есть, я хочу только спать...»	72
«Косяки ночных акул...»	73
«В душистом воздухе предместий...»	74
Парамарибо	75
«Мы не поедem в Занзибар...»	76
Ностальгия по лету (Красилово)	77
«На игрушечном паровозе...»	80
«Что-то сердце болеть начинает...»	81
«Миллиметры ртутного столба	82

БЕСПОЩАДНАЯ НЕЖНОСТЬ

«Мы ещё с тобою встанем в позу...»	85
«Девочка моя, судьба...»	86
Рахат-лукум	87
«Ты меня уже не забудешь...»	89
Тристан и Изольда	90
«Пролетает время, как пуля...»	91
«Есть ночи вдохновенного снаья...»	92
Мантра	93
«Лёгкость! Люблю твою поступь неслышную...»	94
«Как я рада, что ты веселый...»	95
«Нарисовал на сердце пентаграмму...»	96
Эротика	97
«Утром маешься от стыда...»	98
Свидание	99
«Поцелуй меня в темноте...»	100
«Жизнь – загадочна, смерть – проста...»	101
«Насекомые ангелы, похожие на стрижей...»	102
«Кривляка, эстет, читатель...»	103
«Позвони мне, позвони...»	104
«Тонкий запах туалета...»	105
«Быть дворниками на твоём ветровом стекле...»	106
«Силуэты, огни, голоса...»	107
«Твои египетские руки...»	108

БОГУ – ЗАЧЕТ

«Мы связаны тысячей разных людей...».....	111
Чтобы встретиться	112
«Лицо увянет, постареет...»	113
«Побриться наголо, сверкать макушкой голой...»	114
«Разворачивается журнал...»	115
«Ты меня уже не помнишь...»	116
«Как в повторяющемся сне...»	117
«Когда польнью пахнет день...»	118
«Женщина бутылочку откроет...»	119
«Твоя жена измучена, как флейта...»	120
«Мы расскажем нашим детям...»	121
«Телевизор отгорел...»	122
«Про галечный пляж в Кобулет...».....	123
«Не заснишь ангела на пленку...»	125
«Жить в словарях, в тетрадях ночевать...»	126
«Раздели меня на forte и piano...»	127
«Оближите мне губы...».....	128
«Зелёная кровь уходящего лета...»	129
«Люди живут аккуратно и правильно...».....	130
«Любовь притихла, как мышонок под метлой...»	131
«Девушки с длинными волосами...».....	132
«Быть живой, наслаждаться сияющим днём...»	133
«Люблю тебя, амнезия...»	134
«Не сопротивляйся. Тихонько спи...».....	135
«Тихо-тихо прокрасться...».....	136
«Донашиваю за дочерью башмаки...»	137
«Живи между тем и рем...»	138
«Только один день...»	139

Наталья Михайловна Николенкова
ЗАВТРАК НА ТРАВЕ

Оформление *В. Котеленца*
Редактор *М. Гундариш*
Корректор *Г. Заркова*
Верстка *Н. Алексеева*

Подписано в печать 24.10.2014 г. Формат 70x100/32.
Гарнитура PetersburgС. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 5,83. Тираж экз. Заказ № .

ОАО «Алтайский Дом печати».
656043, г. Барнаул, ул. Б. Олонская, 28.